

Два человека в кабинете Хокаге кипели от гнева.— Этот дурацкий сопляк!Данзо с силой ударил кулаком по столу, разметава документы по всему помещению, а его лицо было искажено гневом, который сложно было скрыть. Несомненно, в глубине его души этот непокорный парень сильно оскорбил его достоинство. Будучи помощником Хокаге больше десяти лет, Данзо уже выработал в себе непреклонный характер. Но на этот раз он понёс значительные потери, расплатившись за свою гордость с Ёе Нином, которого он не мог простить за то, что тот указал на него и насмехнулся. Как же ему, такому упрямому и властному, это выдержать? Однако звание Ёе Нина не позволяло Данзо выплеснуть свою ярость на него напрямую. В конце концов, ему оставалось лишь выразить своё недовольство в частной беседе с Третьим.Третий Хокаге, глядя на разгневанного Данзо, лишь затянулся трубкой. Его обычно доброжелательное выражение лица исчезло, уступив место пронизательным и напряжённым глазам. — Даймё, похоже, мастер на ловкость... Третий погрузился в раздумья и, наконец, осознал замысел даймё. Оставив своего единственного сына в Конохе, он сам себе копал яму. Казалось бы, это глупый шаг: достаточно было подчинить себе лишь сына даймё, и можно было контролировать его действия. Но на практике это лишь сделало Коноху зависимой, как будто даймё навесил оковы на деревню. Ёе Нин, как единственный сын даймё, не раз служил предметом для сплетен. Из-за безрассудного поведения своего отца ему предстояло стать единственным наследником. Что за последствия ожидали деревню, если с ним что-то приключится? Ведь достаточно было одного несчастного случая, чтобы даймё, и без того пропавший за гранью, мог принять отчаяние и начать действовать. Если Коноха потеряет годовой финансовый бюджет... Но как же она могла пережить потерю всех будущих дотаций, если с Ёе Нином что-то случится? Тем более страшной была угроза, что даймё, недовольный сложившейся ситуацией, мог начать субсидировать другие деревни-ниндзя. Хотя сейчас это и казалось маловероятным, счет пошел на минуты. Поэтому Ёе Нин не просто останется в Конохе - деревня должна была всеми силами защищать его!Однако как на это реагировать? Шаг за шагом проверять границы терпения Конохи? Третий Хокаге принялся думать об этом более серьезно. Хотя даймё в последние годы не проявлял никаких капризов и без задержек поддерживал Коноху во время войны, это не означало, что он не способен на резкие действия. Останутся ли у Хокаге возможности справиться с возможными угрозами?Как ни крути, но Коноха была вынуждена подстроиться под whims даймё и беречь Ёе Нина, не вызывая его гнев. В этот момент в кабинет вошел ниндзя АНБУ, отвечающий за наблюдение, и тихо доложил:— Третий Хокаге, Ёе Нин не выходил из дома клана Сендзю. Похоже, он направился прямо к Тсунаде-сан.Третий Хокаге, потирая лоб, решил избавиться от нервозности и махнул рукой, чтобы АНБУ ушел. Как только ниндзя покинул кабинет, он заговорил с Данзо:— Дорогой Данзо, следи за своими людьми. Никаких подлых действий! Если даймё действительно разозлится, Коноха этого не переживет! Я также уведомлю патриархов крупных кланов, чтобы они избегали конфликтов с Ёе Нином и старались удовлетворить его потребности. Ты ведь понимаешь, к чему это может привести!Для значительных ninja-кланов и еще некоторых ниндзя Третьему Хокаге было неважно. Как только он сделает им намек, они будут вести себя осторожно. Но на стороне Данзо он должен был предостерегать повторно и снова. Это он, скорее всего, мог замышлять очередные интриги! Ведь Данзо не просто выражал недовольство; он до последнего боялся действовать тайно. Однако тон Третьего, как бы сдержанный он ни был, возмутил его.— Хм!Третий Хокаге вздохнул с облегчением. Хотя Данзо не ответил прямо, Хокаге, прекрасно зная его характер, понял, что тот, как ни крути, согласился с ним. ---Тем временем, в комнате, где находился Ёе Нин, на полу уже валялись пустые бутылки. Он смотрел на это зрелище с недоумением. Как это можно назвать питьем? Тсунаде только что подошла и смела с стола две бутылки, не сказав ни слова. Кто же так пьёт, а? Спустя несколько бутылок у Тсунаде на белоснежных щеках появился румянец. Глаза стали стеклянными, а она, опираясь на пол, устремила взор вверх, словно искала спасения в небесах. В её взгляде проскользнула печаль, тяжесть от которой порой заставляла сердца биться в унисон с чувствами. По сравнению с тем, кто вдруг дёргает за плечо, Тсунаде в таком состоянии была

куда более притягательной. Йе Нин немного помедлил, и, набравшись смелости, тихо произнес:— Пока я шёл сюда, мимо прошёл много домов клана Сенджу, и кажется, ни одного человека не увидел. Куда же подевались все эти члены такого большого клана? — Одни погибли, другие ушли. Осталось не так много. Слова прозвучали с такой спокойной интонацией, что прежде всего произвели шок, но самой Тсунаде это ничуть не смутило. — С тех пор как ушёл мой дед, второй дед, бабушка и некоторые старейшины, клан Сенджу оказался в непростой ситуации. Хотя людей не так мало, их влияние в Конохе с каждым днём потихоньку угасает. — Чтобы вернуть влияние в Конохе и добиться большей выгоды, клан постепенно распался на две фракции. Одна хотела отправиться на поле боя и стать авангардом Конохи, надеясь вернуть власть благодаря своим заслугам. А другая следовала идее, предложенной моим вторым дедом, постепенно уходя с верховных позиций, чтобы слиться с деревней. — Ни одна из фракций не смогла убедить другую, и в итоге воинственная группа стала авангардом Конохи, оказавшись на полях сражений в Стране Дождя. Но трудности войны оказались намного больше, чем ожидалось. Клан Сенджу понёс тяжелые потери, и даже Ропэ Тсук погиб там.— А другая группа действительно ушла из клана, как и сказал второй дед. Возможно, они рассеялись по Конохе или затерялись в укромных уголках, скрывшись от мира. Даже я не знаю, где они сейчас. — Так что сейчас в клане Сенджу остались всего несколько человек, охраняя эти дома. Рассказ Тсунаде звучал спокойно, и порой она делала глоток из бутылки, не проявляя эмоций. Но Йе Нин мог почувствовать ту тихую грусть, которую прятала её усталый голос, за которым скрывалась её семья, её народ. Как можно было быть невосприимчивым к такой печали? Она лишь упикивала грусть внутрь, пряча её за глотками алкоголя.